

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВКА НЕКОТОРЫХ «ПОГОДНЫХ»
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Козловская А.Б.

Сумский государственный университет

Перевод является важнейшим фактором интеллекта и культуры, поэтому одна из основных задач каждого преподавателя - научить студентов подходить к переводу филологически, помочь им приобрести умения находить правильные решения встающих перед ними проблем путем сопоставления английского и родного языков.

Перевод фразеологизмов вызывает большие трудности и часто является источником курьезных и забавных ошибок. Многие фразеологизмы таят в себе интересную историческую или мифологическую мотивировку, знание которой имеет огромное значение в формировании культуры будущего переводчика. *“Фразеологизмы в собственном (строгом) смысле термина всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражают, как свет утра отражается в капле росы” (Ларин 1977:156).*

Интересную мифологическую мотивировку, например, таят в себе выражения *“после дождичка в четверг”*, *“метать громы и молнии”*. Громовержец Перун (мифы Киевской Руси) затмил двух богов, имевших прежде основное значение у славян, - Сварога, бога огня и солнца, и Рода, бога природы и урожая, и стал почитаться как верховное божество. В славянской мифологии, впрочем, он и раньше играл видную роль, во многом походя на греческого Зевса, римского Юпитера и скандинавского Одина. Не случайно в старейшем письменном источнике, где упоминаются славяне, - *“Война с готами”* византийского писателя Прокопия Кесарийского (VI век) - подчеркивается, что славяне и анты, которые *“издревле живут в народоправстве”*, поклоняются прежде всего именно такому кумиру. *“Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченные ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тот час же принесут богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы” (Мокиенко 1986:157).*

Археологи и историки подтверждают - жертвоприношения Перуну были весьма распространены. В словаре В.И. Даля приводится описание Перуна: *“Это высокий, плечистый головач, черноволос, черноглаз, борода золотая, в правой руке лук, в левой колчан со стрелами;*

он ездит по небу в колеснице, пускает огненные стрелы" (Даль 1955:103). Благодаря основной функции Перуна - метать громы и молнии - он стал в 10-м веке военным и княжеским дружинным богом Древней Руси, покровителем киевского князя Владимира, собственноручно приносящего ему жертвы. Это свойство породило и немало выражений, в которых у славян сохраняется имя Перуна.оборот, вошедший и в литературный язык - "метать перуны" (гневаться, сердиться) синонимичен подобному - "метать громы и молнии". Этот оборот присущ украинскому и белорусскому языкам - "метати перуни" (сердиться), "давать (даць) перуноу" (сердиться на кого-либо, гневно обрушиться на кого-нибудь).

Еще более крепкая память об этом верховном божестве в тех выражениях, где имя Перуна вообще не упоминается. В обороте "пустить красного петуха" трудно усмотреть ассоциации с древнерусским громовержцем. Но красный петух у славянских и германских племен был символом божества огня и солнца. Германцы приносили такую жертву громовержцу Тору, а славяне - Перуну и Сварогу - богу солнца и света. На старинной монете, вычеканенной на острове Крит, петух также изображен как атрибут бога Солнца. Известны поверья, согласно которым красный петух во время грозы спрыгивает вместе с молнией на землю и поджигает дома. Выражение "пустить красного петуха" известно восточнославянским и западнославянским языкам. Есть оно и у балтийских и германских народов, где был распространен культ соответствующих Перуну громовержцев Перкунаса и Тора, жертвенной птицей которых считался петух: лит. *raudonas gaigys patudyti* (букв.: посадить красного петуха), латыш. *ielaist jumta sarkano gaili* (пустить красного петуха), *red cock* (красный петух), *den roten Hahn aufs Dach setzen* (посадить красного петуха под крышу). Везде переносное значение словосочетания "красный петух" - пожар.

Солярный (т.е. относящийся к Солнцу) культ петуха и его связь с молнией нашли отражение не только в языке и мифах, но и в материальной культуре. В русских деревнях КУРАМИ назывались стропила на крестьянских избах, а КОЧЕТ - жестяной петух нередко украшал крышу и служил не только украшением, но и флюгером. "Золотой петушок" А.С. Пушкина - один из поэтических образов, навеянных именно деталью народной архитектуры. Обычай "сажать" на крыши своих домов и храмов фигурки петухов также имеет древние традиции. Он был известен и древним германцам и древним грекам, у которых такая фигурка служила своего рода "предохранителем" от попадания в дом молнии. Магическая, "громоотводящая" функция петуха тесно переплетается здесь с эстетической.

Есть и другое объяснение, почему один из самых древних метеорологических приборов - флюгер - украшался фигуркой петуха (в английском языке он даже носит название "погодный

петух” - *weather cock*). В Европе обычай украшать указатель направления ветра фигуркой петуха берет свое начало с 9-го века, когда по указу Папы Римского шпиль каждой церкви должно было венчать изображение этой птицы - эмблемы апостола Петра, который по преданию, отрекся от Христа трижды, прежде чем дважды прокричал петух. Это одна версия. По другой версии, петух на шпиле церкви служил напоминанием о том, что “*церковь Божию бдит над душами верующих*” (Астапенко 1986:27).

Еще больше информации о языческой символике Перуна сконцентрировано в выражении “после дождика в четверг”. Четвертый день недели был, в соответствии с мифологическим календарем языческих народов, днем бога-громовержца. У римлян четверг носит название *Jovis dies* - “*день Юпитера*”. Германцами этот день почитался как день бога грома, молнии и войны *Tora* (*Thor, Donar*): отсюда названия четверга типа: англ. *Thursday*, нем. *Donnerstag*, швед. *Torsdag* и др. В какой-то степени в этой календарной иерархии, несомненно, также переплелись языческие верования с христианскими, поскольку в основе наименования дней лежит вавилонская “недельная” система, заимствованная греками и римлянами, а потом перешедшая и к европейским народам. Вавилоняне же использовали здесь “языческий”, а точнее - “материалистически-языческий” принцип наименования, ибо каждый из дней недели был посвящен одному из богов шести важнейших в то время известных планет: Луне, Марсу, Меркурию, Юпитеру, Венере, Сатурну и Солнцу. Романские народы заимствовали латинскую традицию: у французов или итальянцев понедельник - день Луны, вторник - Марса, среда - Меркурия, четверг - Юпитера, а пятница - Венеры. Германцы же “перевели” соответствующие наименования дней недели на имена своих языческих божеств, а большинство славян, в соответствии с византийской традицией, довольствовались цифровым обозначением.

Обычно считается, что выражение “после дождика в четверг” связано с молебствиями Перуну о дожде и с тем, что он охотнее всего выполнял такие мольбы в “свой” день - четверг. Считается, что поскольку христиане относились к этому божеству все скептичнее и убеждались в бесполезности таких молитв к низверженному богу, то они и выразили этой поговоркой свое полное недоверие к нему. “*Это толкование, однако, справедливо только “в общем”, поскольку представления о дожде, четверге и Перуне несомненно связаны. Оно не учитывает такой “детали”, как последовательность “дождика” и “четверга”, которые в выражении подчеркнута противопоставлены в хронологическом отношении*” (Мокиенко 1986:162).

Действительно, даже со стороны языческой точки зрения алогично, что день Перуна в этой поговорке следует после дождя: ведь дождь обычно идет после грома и молнии, а не наоборот. Расшифровать загадку этого алогизма помогают варианты рассматриваемого оборота:

"после пятницы в четверг ("никогда")", "после дождичка в четверг на сухую пятницу". Пятница была днем почитания Мокоши - богини дождя и плодородия. Северные русы поклонялись ей и в среду. Она как бы смыкается с "Начальным" Перуном, соседствуя с ним и одновременно четко ограничиваясь от божества, весьма близкого ей по функциям. Эта символика аналогична последовательности "молния - гром - дождь". Следовательно, смысл выражения "после дождичка в четверг" - в принципиальной невозможности нарушения "табеля о рангах" Перуна и Мокоши и последовательности соответствующих атмосферных явлений.

Идиоматика любого языка обладает как бы двойной индивидуальностью. Она индивидуальна как явление современного литературного языка, ибо каждый оборот является самостоятельным осколком некогда активной речевой модели, со временем утратившей актуальность. Она индивидуальна и как отражение каких-либо национальных реалий, составивших в свое время самобытность культуры того или иного народа. А индивидуальное является особо прочным цементирующим раствором при взаимодействии народов и их культур, так как именно оно и является национальной "валютой" при культурном обмене народов. *"Именно индивидуальные особенности народов связывают их друг с другом, заставляют нас любить народ, к которому мы даже не принадлежим, но с которым столкнула нас судьба. Следовательно, выявление национальных особенностей характера, знание их, размышление над историческими обстоятельствами, способствовавшими их созданию, помогают нам понять другие народы. Размышления над этими национальными особенностями имеют общее значение. Оно очень важно."* (Лихачев 1981:65)

Литература

- Астапенко 1986: Астапенко П.Д. Вопросы о погоде (что мы о ней знаем и чего не знаем). - Л.: Гидрометеониздат, 1986. - 392 с.
- Даль 1955: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - М., 1955.-Т.3. - с.103.
- Ларин 1977: Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. - М., 1977. - с. 156.
- Левицкая 1963: Левицкая Т.Р., Фигерман А.М. Теория и практика перевода с английского языка на русский. - М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1963. - 263 с.
- Лихачев 1981: Лихачев Д.С. Заметки о русском. - М., 1981. - 72 с.
- Мокиенко 1986: Мокиенко В.М. Образы русской речи. - Л., 1986. -278 с.